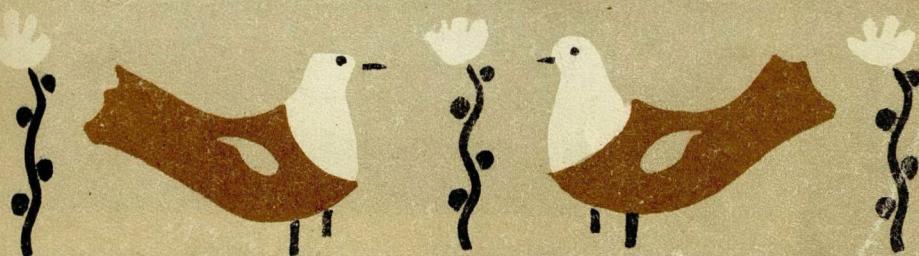

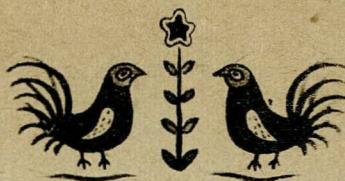
КОЩЕЛЁЧЕК

УКРАИНСКИЕ НАРОДНЫЕ
СКАЗКИ

Н-76

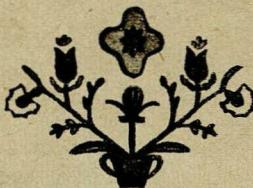
ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ НЕРУССКИХ ШКОЛ

К 76

КОШЕЛЁЧЕК

УКРАИНСКИЕ НАРОДНЫЕ
СКАЗКИ

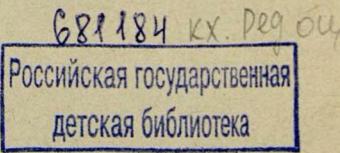

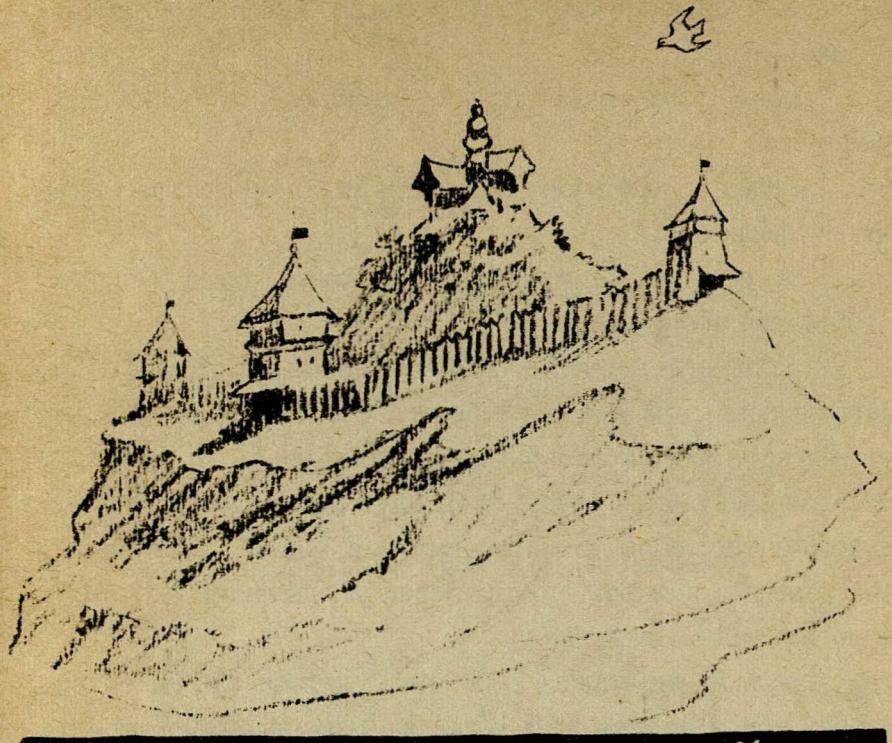
ПЕРЕВОД С УКРАИНСКОГО
Е.Л. БЛАГИНИНОЙ

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1949 Ленинград

~~42194~~ 1957-58 г.

КИРИЛЛ КОЖЕМЯКА

Давным-давно жил в Киеве князь. И был около Киева змей. Каждый год посылали этому змею дань: либо молодого парня, либо девушку. Вот пришёл черёд посыпать князеву дочку. Ничего не поделаешь — посылали горожа-

не, надо и князю послать. Ну, и отдал князь свою дочку в дань змёю.

А дочка была так хороша, так пригожа, что и сказать нельзя.

Полюбил её змей. Вот она один раз к нему приласкалась, да и спрашивает:

— А есть ли, — говорит, — на свете такой человечек, чтобы тебя поборол?

— Есть, — говорит, — такой в Киеве, у Днепра. Как затопит хату, дым аж под небесами стелется, а как выйдет на Днепр мочить кожки (он ведь кожемяка), то не одну несёт, а двенадцать сразу. Набрыкнут они водью в Днепре, я возьму уцеплюсь за них, а ему всё равно: как потащит, так и меня с кожами чуть на берег не вытащит. Вот этого человечка только я и боюсь.

Княжна и задумалась над этим делом: как бы ей весточку домой подать и на волю к отцу вырваться? А при ней не было ни души, только один голубок. Она вскормила его в счастливые дни, когда еще в Киеве жила. Думала, думала, а потом и написала батюшке.

«Вот так, мол, и так, — пишет, — у вас, батюшка, в Киеве есть человечек, по имени Кирилл, по прозвищу Кожемяка. Попросите его через старых людей, не захочет ли он со змёем побиться да не вызоволит ли меня, бедную, из неволи? Молите его, родной мой батюшка, и словами и подарками, чтобы не обиделся он за какое-нибудь неучтивое слово! Я за него и за вас буду век бога молить».

Написала так, привязала под крыльшком голубя это письмо и выпустила в оконце. Голубок взмылся под облака и прилетел домой, на подворье князя. А дети один бегали по подворью, да и увидели голубка.

— Батюшка, батюшка, — кричат, — погляди, голубок от сестрицы прилетел!

Князь сперва насторожился, а потом подумал-подумал, да и затужил: «Неужели проклятый ирод загубил моё детё?» А потом приманул к себе голубка и увидел под крыльшком письмо. Схватил он его, читает: дочка пишет — так, мол, и так. Тут он поскорей поклонился к себе всех старшин:

— Есть ли такой человечек, что называется Кириллом Кожемякой?

— Есть, князь, живёт над Днепром.

— Как бы к нему приступиться, чтоб не обиделся да выслушал?

Вот они так и здак совещались, да и послали к нему самых старых людей. Приходят они к хате, приотворили дверь со страхом и совсём испугались. Глядят: сидит сам Кожемяка на полу к ним спиной и мнёт руками двенадцать кож; видно только, как колыхается его белая борода. Вот один из посланцев:

— Кхе!

Кожемяка испугался, а двенадцать кож только «тпр, тпр!» Обернулся Кожемяка, а они ему в пояс:

— Вот так, мол, и так: присыпал к тебе князь с просьбой.

А он и не смотрит и не слушает: рассердился, что чёрез них двенадцать кож порвал.

Он опять давай его просить, давай его молить, стали на колени... И слушать не хочет! Просили, просили, да и пошли, понурив голову.

Что тут дёлать? Тоскует князь, скучают и все старшины.

— А не послать ли нам теперь младших?

Послали младших — ничего не сделали и они. Молчит Кожемяка да сопит, будто не ему говорят. Так разобрало его за те кожи!

И догадался князь послать к нему малых детей. Те как пришли, как начали просить, как стали на коленки да как заплачали! Тут и сам Кожемяка не вытерпел, запласал и говорит:

— Ну уж ладно, для вас сделаю!

Пошёл к князю.

— Давайте, — говорит, — мне двенадцать бочек смолы и двенадцать возов конопли.

Обмотался коноплёй, обсмолился полуже смолой, взял меч такой, что, может, в нём пудов десять, и пошёл к змею. А змей ему и говорит:

— Ты что, Кирилл, пришёл биться или мириться?

— Где уж мириться! Биться с тобою, с проклятым, пришёл!

Вот и начали они биться — аж земля гудёт.

Как разбежится змей да схватит зубами Кирилла, так кусок смолы и вырвет. Ещё разбежится да схватит, так

пучок конопли и вырвет. А тот здоровенным мечом как огнёт змея, так и вгонит его в землю. А змей огнём горит, ему жарко, а пока сбегает к Днепру напиться да прохладиться малость, Кожемяка уж коноплей обмотается да смолой обсмолится.

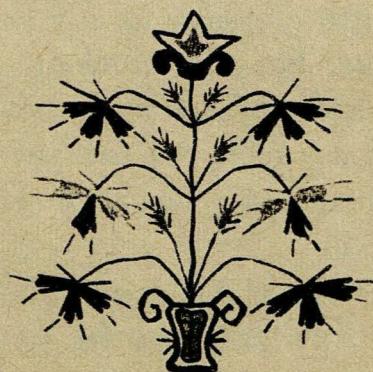
Вот выскочит из воды змей, разгонится на Кожемяку, а он его мечом только трах! Ещё разгонится, а он знай его мечом хлоп да хлоп! Аж эхо идёт.

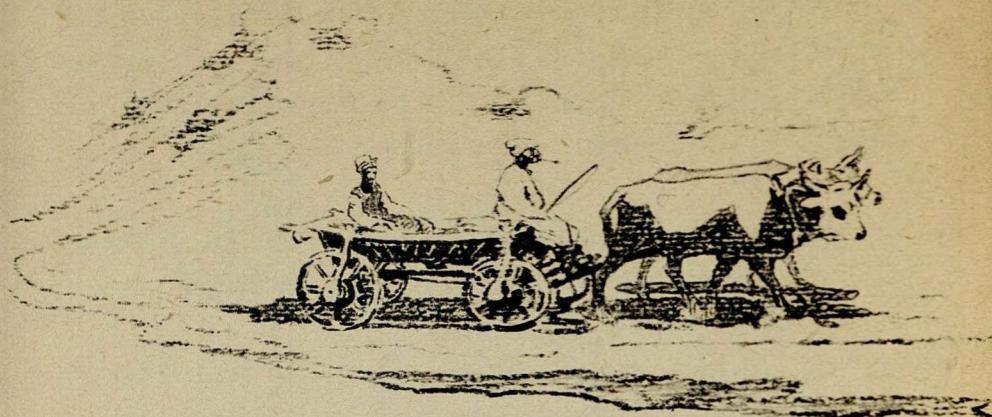
Бились, бились, дым клубом, искры летят. Разогрёл Кирилл змея, как кузнец лемех на горне: тот аж перхает, аж захлёбывается проклятый, а под ним земля стонет.

Народ на горах стоит, как неживой, сцепив руки ждёт, что будет! И вдруг змей — у-у-ух! Земля затряслась. Народ так и всплеснул руками:

— Ай да Кожемяка!

Ну, Кирилл убил змея, вызволил княжну и отдал князю. Князь уж и не знал, как его благодарить. Вот с того-то времени и начало зваться то место, где он жил, Кожемяками.

КОШЕЛЁЧЕК

Жили-были муж и жена́, и была́ у них па́ра воло́в. А у соседей — пово́зка. Вот как настáнет воскресéнье ли́бо пра́здник како́й, кто-нибу́дь берёт воло́в и пово́зку, да и едет в цéрковь или в гóсти. А в слéдующее воскресéнье — друго́й; да так и дели́лись. Вот женá один раз и говори́т мúжу:

— Продáй ты воло́в! Кúпим мы себé ло́шадь и пово́зку, да и бúдем сáми, кудá захотíм, е́здить. А то, небóсь,

сосёди-то свою повозку не кормят, а нам воло́в кормить надо.

Ну, муж напоил воло́в и повёл. Ведёт он их дорогой, глядь — его догоняет человéк с конём.

— Здорово!

— Здорово!

— Куда воло́в ведёшь?

— Продавать.

— Променяй воло́в на коня́!

— Давай.

Променял он воло́в на коня́, идёт с конём дальше. Глядь — ему навстречу человéк с коровой.

— Здорово!

— Здорово!

— Куда коня́ ведёшь?

— Вёл на ярмарку воло́в продавать, да променял их на коня́.

— Променяй коня́ на корову!

— Давай.

Поменялись. Ведёт мужик корову. Глядь — гонит человéк свинью.

— Здорово!

— Здорово!

— Куда корову ведёшь?

— Вёл на ярмарку воло́в продавать, да променял на коня́, а коня́ — на корову.

— Променяй корову на свинью!

— Давай.

Гонит он эту свинью, глядь — человéк овцú ведёт.
Поздоровались.

— Променяй свинью на овцú!

— Давай.

Гонит он овцú. Глядь — человéк гусакá несёт.
Побесёдовали.

— Променяй овцú на гусакá!

— Давай.

Пошёл дальше с гусакóм. Глядь — несёт человéк петухá. Разговорились.

— Променяй гусакá на петухá!

— Давай.

Несёт он петухá. Глядь — человéк нашёл на дороже пустой кошелёчек. Разговорились с ним.

— Вот я кошелёчек нашёл. Променяй петухá на кошелёчек!

— Давай.

Спрятал мужик кошелёчек и идёт на ярмарку. Приходит в город — надо паромом речку переезжать, а у него нечем заплатить за перевоз.

Перевозчики и говорят ему:

— Давай хоть этот кошелёчек!

Ну, он и отдал.

А там чумаки стояли. Как узнали они, на что он выменял кошелёчек, стали смеяться.

— Что ж тебе, — говорит, — от жены за это будет?

— Даничего! Скáжет: «Нáдо ráдоваться, что хоть сам живóй вернúлся».

И побýлись онí об заклáд: ёсли жéна так скáжет, то чумакí отадáут ему́ двенáдцать чумáцких возóв вмéсте с кнутáми. Ну, тут же послáли онí одногó чумакá к той жéнке.

Вот он к ней приходít:

— Здорóво!

— Здорóво!

— А тыничего не знаешь про стáрого?

— Нет, не знаю.

— Он волóв на коня променял.

— Это хорошо. Повóзка недóрого стоít, кáк-нибúдь спрáвим.

— Да и коня променял на корóву.

— Ещё лúчше: бúдет у нас молочко.

— Да и корóву променял на свинью.

— И то хорошо: бúдут у нас поросятки.

— Да и свинью променял на овцу.

— И то лáдно: бúдут ягнятки да шерсть, бúдет мне что прясть.

— Да и овцу променял на гусакá.

— И то дéло! Бúдут у нас и пух и перья.

— Да и гусакá променял на петухá.

— Вóвсе хорошо: петух ранéнько поёт, бúдет нас на рабóту будýть.

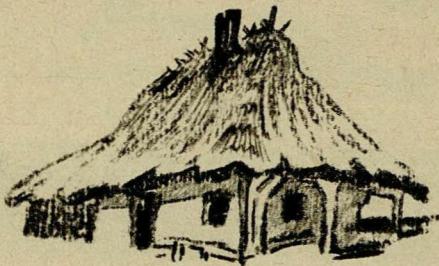
— А петухá он променял на кошелёчек.

— Куда́ лúчше: где кто зарабóтает — он ли, я ли и́ли дéтки, — бúдем в кошёлёчек склáдывать.

— Да он и кошёлёчек за перевóз óтдал.

— Ну что ж, на́до ра́доваться, что хоть сам живóй вер-
ну́лся.

Так э́ти чумакí и óтдали чужаку́ двенáдцать чумáцких
возóв, да ещё и с кнутáми.

РАЗУМНИЦА

Жили-были два брата: один бедный, а другой богатый. Вот богатый как-то сжалился над бедным, что у того ни ложки, ни плюшки, да и отдал ему дойную корову. Говорит:

— Помаленьку отработаешь мне за неё.

Ну, бедный брат отрабатывает помаленьку. А потом богачу сделалось жалко коровы, он и говорит бедному:

— Отдавай мне корову назад.

Тот взмолился:

— Брáтец, я ж тебе за неё отработал!

— Что ты там отработал — как кот наплáкал! А корóвата глядí какáя! Отдавáй, отдавáй!

Бéдному жáлко стáло своéй работы, не захотéл отдаТЬ. Пошлí онí судíться к бáрину. Пришлí. А бáрину, должно быть, не захотéлось голову ломáть — дúмать, кто из них прав, кто виновáт. Вот он и говорит им:

— Кто отгадáет мою загáдку, того и корóва бúдет.

— Говорí, бáрин!

— Слúшайте: что на свéте сытée всегó, быстрéе всегó, милéе всегó? Зáвтра придёте — скáжете.

Пошлí бráтья. Богáч идёт домóй и дúмает: «Ерундá, а не загáдка! Что ж мóжет быть сытée бáрской свинý, быстрéе бáрской борзóй, милéе déнет! Моя корóва бúдет!»

Бéдный пришёл домóй, дúмал, дúмал, да и затужíл. А у него былá дóчка Máша. Онá и спрашивает:

— Чего ты, бáтиушка, растужíлся? Что бáрин сказал?

— Да бáрин таку́ю загáдку загадáл — голову сломáть можно!

— А какáя загáдка, бáтиушка?

— Вот какáя: что на свéте сытée всегó, быстрéе всегó, милéе всегó?

— Э, бáтиушка, сытée всегó мать-земля — она́ всех кóрмит, побít, да и всех поедáет; быстрéе всегó дúмка — с дúмкою кудá хóчешь прилетíшь; а милéе всегó сон — как бы хорошо́ нí было человéку, он всё бросáет, чтобы заснúть.

— Не́ужто? — говори́т оте́ц. — А ведь пра́вда твоя! Так я и скажу́ бáрину.

На друго́й день приходя́т óба бráта к бáрину. Вот бáрин их и спра́шивает:

— Ну что, отгадáли?

— Отгадáли, бáрин, — говоря́т.

Вот богáты́й вы́ступил вперёд, чтобы поскорéе отве́тить, да и говори́т:

— Сытее, бáрин, всегó вáши свíньи, а быстрéе всегó вáши борзы́е, а милéе всегó — дéнежки.

— Э-э-э, врёшь, врёшь! — говорит бáрин. — Ну, а ты?

— Да что ж, бáрин, нет ничего́ сытее матушки-земли: она́ всех кóрмит, пóйт, да и всех же поедáет.

— Прáвда! — говорит бáрин. — Ну, а быстрéе всегó?

— Быстрéе всегó мысль-дúмка — с нéю кудá хóчешь перелети́шь.

— Так! Ну, а милéе всегó что? — спра́шивает бáрин.

— А милéе всегó сон. Как бы хорошо́ нí было человéку, он всё покидáет, чтобы заснúть.

— Всё так! — говорит бáрин. — Твой корóва. Только скажí мне: сам ли ты отгадáл загáдки Ѳили тебе́ кто помóг?

— Да что ж, бáрин, — говорит бедня́к, — есть у меня дóчка Мáша. Это она́ менé научи́ла.

Бáрин рассерди́лся:

— Как так! Я тако́й ўмный, а она́ простáя дéвка — и мой загáдки отгадáла! Погодí же! Вот тебе́ деся́ток варёных яи́ц, отда́й их своéй дóчери. Пусть она́ поса́дит на них на-

сéдку, чтоб насéдка за однú ночь вы́вела цыпля́т, вы́кормила их и чтоб твоя́ дóчка зарéзала трёх, зажáрила на завтрак, а ты, покá я встáну, чтоб принёс. Я ждать бúду. А не сдéляет — бúдет хúдо.

Идёт бедня́к домóй, пла́чет. Прихóдит, а дóчка спраши-
вает его:

— О чём, бáтьушка, пла́чешь?

— Как же мне, дóчка, не пла́кать? Дал тебе́ бáрин деся́-
ток варёных яйц да наказáл, чтобы́ ты посади́ла на них
насéдку, чтоб насéдка за однú ночь вы́вела и вы́кормила
цыпля́т, а ты чтоб зажáрила трёх ему́ на завтрак.

А дóчка взяла́ горшóчек кáши и говорит:

— Отнесí, бáтьушка, эту кáшу бáрину да скажí ему́:
пускáй он вспáшет зéмлю, посеёт эту кáшу, и чтоб она́ вы-
росла прóсом, поспéла, и чтоб он прóсо скосíл, смолотíл
и натолóк пшена́ — кормить тех цыпля́т, которым на́добно
вы́луиться из этих яйц.

Принóсит бедня́к к бáрину эту кáшу, отдаёт её и гово-
рит: так и так дóчка наказáла.

Бáрин смотрéл, смотрéл на эту кáшу, да и отдал её
собáкам. Потóм нашёл где-то стебелёчек льна, отдал еgo
беднякú и говорит:

— Отнесí дóчери этот лён. Пускáй она́ его́ вы́мочит,
вы́слушит, побьёт, попрядёт и соткёт сто локтей полотна́.
А не сдéляет — бúдет хúдо.

Идёт бедня́к домóй, опять пла́чет. Встречáет еgo дóчка,
спрашивает:

— О чём, бáтишка, пла́чешь?

— Глядí-ка чего́: бáрин дал тебе́ стебелёчек льна, да чтобы ты его́ намочи́ла, вы́сушила, помя́ла, напрялá и вы́ткала сто локтéй полотна́.

Машá взялá нож, пошлá и сре́зала тóненькую вéточку с дéрева, далá отцú и говорíт:

— Несí, бáтишка, к бáрину. Пускáй он из э́того дéрева сде́лает мне грéбень, гребёнку и дни́ще, чтобы бы́ло на чём прясть э́тот лён.

Прино́сит бедня́к бáрину э́ту вéточку и говорит, что дóчка велéла из неё сде́лать. Бáрин глядéл, глядéл, взял да бро́сил вéточку, а сам дúмаёт: «Эту обдури́шь! Видáть, она́ не из такíх!» Потóм дúмал, дúмал и говорит бедня́ку:

— Пойдí скажí своéй дóчери, пускáй она́ придёт ко мне в гóсти, да так, чтоб ни шла, ни е́хала, ни босáя, ни разу́тая, ни с гостинцем, ни без гостинца. А е́сли она́ э́того не сде́лает — бу́дет хúдо.

Идёт отéц, пла́чет. Пришёл и говорит дóчери:

— Ну что, дóчка, бу́дем дéлать? Приказáл бáрин так и так, — и рассказал ей всё.

Мáша говорит:

— Не тужí, бáтишка, всё лáдно бу́дет. Пойдí купí мне живóго зáйца.

Пошёл отéц, купíл живóго зáйца. А Мáшенька однú ногу обу́ла в рвáный башмáк, другúю оставила босóй. Потóм поймáла воробья́, взялá сáни, запряглá в них козлá. Зáйца спрятала подмы́шку, воробья́ взялá в ру́ку, однú ногу

поставила в сáни, а другою ступаёт по дорóге — однú ногу козёл везёт, а другою идёт. Приходит э́так к бáрину во двор, а он как уви́дел, что она́ так идёт, кричíт слúгам:

— Травíте её собáками!

Те стáли травíть её собáками. А она́ и выпустила зáйца. Собáки погна́лись за зáйцем, а её бросили. Она́ тогдá пришla к бáрину в хорóмы, поклонíлась и говорит:

— Вот вам, бáрин, гости́нец, — да и подаёт ему́ ворóбья.

Бáрин тóлько хотéл его́ взять, а она́ выпустила ворóбышка, он — порх! — и улетéл в открытое окно.

На ту пору пришли мужики к бáрину судíться. Бáрин и спрашивает:

— Чего́ вам, люди добрые?

Один говорит:

— Да вот что, бáрин: ночевáли мы вдвоём в поле, а утром встáли, глядь — моя́ кобы́ла жеребёнка привела.

А друго́й человéк говорит:

— Вра́ки, это моя́ привела! Рассудí нас, бáрин.

Вот бáрин думал, думал и говорит:

— Пригоните сюда жеребёнка и лошадéй: к которой жеребёнок побежít, та и привела.

Пригна́ли запряжённых кобы́л и пустили жеребёнка. А те два хозяина так затаскали э́того жеребёнка кáждый в свою́ сторону, что он уж и не знал, кудá ему́ бежать, взял да и побежál незнáмо кудá. Ну, все растеря́лись. Что тут дéлать? Как рассудíть? А Мáшенька говорит:

— Вы жеребёночка-то привяжите, а матерёй распрягите да и пустите — которая побежйт к жеребёнку, та и привела.

Так и сдѣлали: распряглі лошадеи, а жеребёнка привязали — одна и побежала к нему, а другая стойт.

Ну, тут барин видит, что она такая разумная — никак её не перехитришь, — и отпустил её с миром.

нáзваний отéц

Остáлись три бráта сирótами — ни отца́, ни матери. И дома — ни кола́, ни дворá. Вот и пошли онí по сёлам, по хуторам в рабóтники нанимáться. Идут и думают: «Эх, кáбы нанýться к доброму хозяину!» Глядь — стариčок идёт, старый-стáрый, борода́ белая до пояса. Поровнялся стари́к с бра́тьями, спрашивает:

— Куда́, дётки, путь держите?

А он́и отвечают:

— Наниматься идём.

— Разве у вас своего хозяйства нету?

— Нету, — отвечают. — Кабы нам добрый хозяин попался, мы бы честно у него работали, слушались и, как родного отца, почитали.

Подумал старик и говорит:

— Ну что ж, будьте вы мне сына́ми, а я вам — отцом. Я из вас людей сделаю — научу жить по чести, по совести. Только слушайте меня́.

Согласились братья и пошли за тем стариком. Идут тёмыми лесами, широкими полями. Идут, идут и видят — хатка стоит, такая нарядная, беленькая, пёстрыми цветами обсаженная. А около — вишнёвый садик. А в садике — девушка, пригожая, весёлая, как те цветики. Поглядел на неё старший брат и говорит:

— Вот бы мне эту девушку в жёны! Да коров, да волов побольше.

А старик ему:

— Что ж, — говорит, — пойдём свататься. Будет у тебя жена́, будут у тебя и волы и коровы — живи счастливо, только правды не забывай.

Пошли они́, сосватались, отгуляли весёлую свадьбу. Сделался старший брат хозяином и остался с молодой женой в той хатке жить.

А старик с младшими братьями пошёл дальше. Идут они́

тёмными лесами, широкими полями. Идёт, идёт и видят — хатка стоит, хорошая, светленькая. А рядом пруд, у пруда — мельница. И пригожая девушка возле хатки что-то делает — такая работящая. Средний брат посмотрел на неё и говорит:

— Вот бы мне эту девушку в жёны! А впридачу мельнице с прудом. Сидел бы я на мельнице, хлеб молол, был бы сыт и доволен.

А старик ему:

— Что ж, сынок, будь по-твоему!

Пошли они в ту хату, высватали девушку, отгуляли свадьбу. Теперь средний брат остался с молодой женой в хате жить. Говорит ему старик:

— Ну, сынок, живи счастливо, только правды не забывай.

И пошли они дальше — меньшой брат и названный отец. Идут они, смотрят — бедная хатка стоит, и девушка из хатки выходит, как зорька пригожая, а таково-то бедно обряженная — прямо латка на латке. Вот меньшой брат и говорит:

— Ежели бы мне эту девушку в жёны! Работали бы мы, был бы у нас хлебушек. Не забыли бы мы и про бедных людей: сами бы ели и с людьми делались.

Тогда старик и говорит:

— Добро, сынок, так и будет. Только гляди правды не забывай.

Оженил и этого, да и пошёл себе путём-дорогою.

А бра́тья живу́т. Старши́й так разбогате́л, что уж и дома́ себе́ стро́ит и червонцы́ копи́т — только о том и думает, как бы ему́ тех червонцев побольше накопи́ть. А чтоб бедному человéку помочь, об том и речи нет — сильно скупо́й стал!

Средний тóже разжíлся: стáли на него́ батраки́ работать, а сам он только лежи́т, ест, пьёт да распоряжа́ется.

Младши́й живёт потихо́ньку: коли что дома́ заведётся, с людьми́ поделится, а нетничего́ — и так ладно, не жа́луе́тся.

Вот ходи́л, ходи́л называ́ный оте́ц по бе́лу све́ту, и захоте́лось ему́ посмотре́ть, как-то его́ сыны́ живут — с пра́вдою не расхóдятся.

Прики́нулся он стáрцем убóгим, пришёл к стáршему сыну, ходи́т по двору, клáняется низко, приговарива́ет:

— Подáйте старику́ убóгому на пропитáниe от щедро́т ва́ших!

А сын отвечает:

— Не тако́й ты стáрый, не прики́дывайся! Захочешь — заработка́ешь. Я сам недавно на ноги стал. Провáливай!

А у самого́ от добра́ сундуки́ ломя́тся, дома́ новые понастро́ены, това́ру полны́ лáвки, хлéба полны́ закрома́, дёне́г несчётно. А милости́ни не дал! Ушёл старик ни с чем. Отошёл, может, с версту́, стал на пригоро́к, огляну́лся на то хозяйство да на то добро́ — так все́ оно́ и запыла́ло.

Пошёл он тогда́ к среднему бра́ту. Приходи́т, а у того и мельница, и пруд, и хозяйство хоро́шее. Сам у мельницы сиди́т. Поклони́лся дед низёхонько и говори́т:

— Дай, добрый человéк, хоть гóрстку мукí! Я убóгий странник, нéчего мне есть.

— Ну да, — отвечáет, — я ещё и себé не наполóл! Мнóго вас тут таких шатáется, на всех не напасёшься.

Ушёл старик ни с чем. Отшёл немнóго, стал на пригóрок, оглянулся — так и охватíло ту мéльницу дýмом-плáменем.

Пришёл старик к меньшóму сыну. А тот живёт бéдно, хáтка мáленькая, тóлько что чíстенькая.

— Дайте, — говорит старик, — люди дóbрые, хоть кóрочку хléбца!

А меньшóй ему:

— Идí в хáту, дéдушка, там тебý накóрмят и с собой дадут.

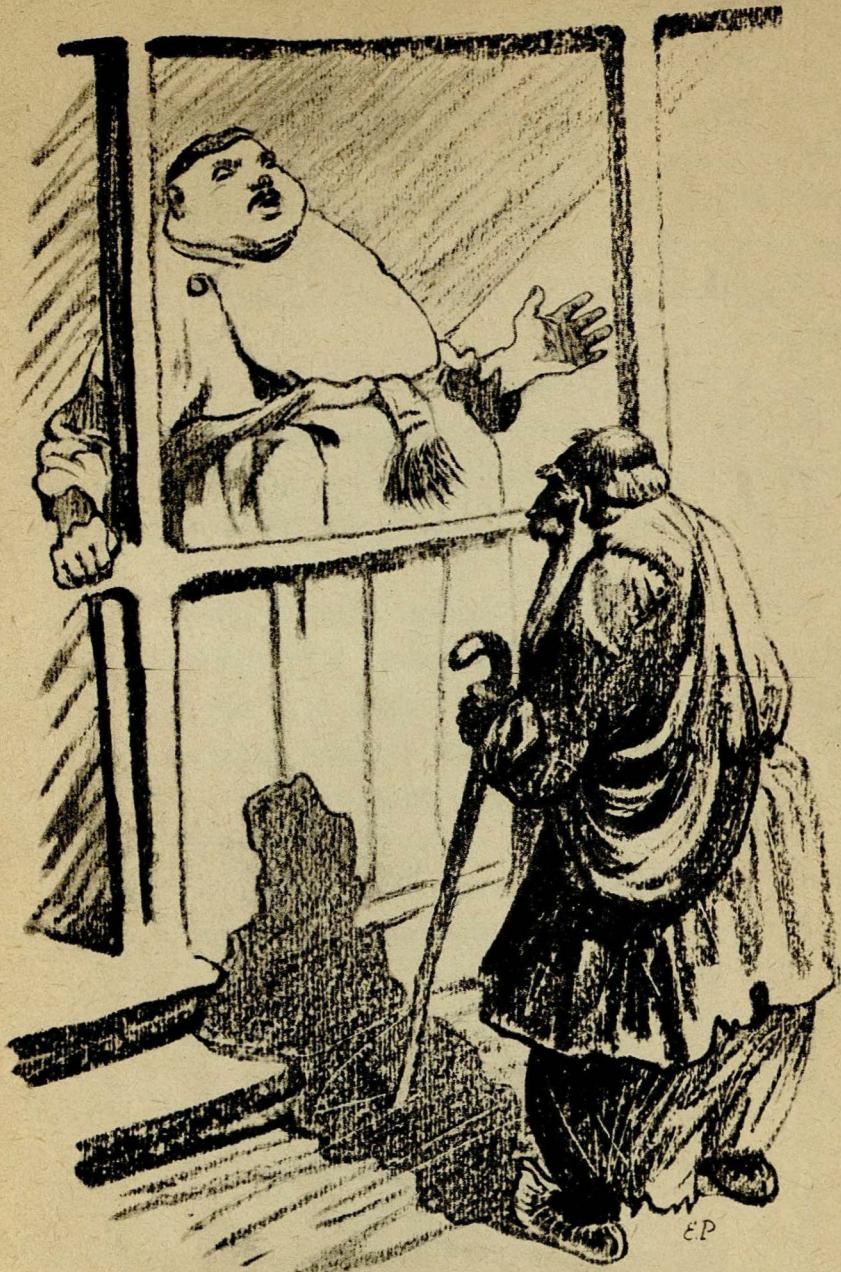
Приходит он в хáту. Хозяйка поглядéла на него, вíдит — он в лохмόтьях, обтрёпанный, пожалéла его. Пошла в клеть, принесла рубáху, штаны, далá ему. Надéл он. А как стал он эту рубáху надевáть, уви́дела она у него на грудí большúю ráну. Усадíли онí старика за стол, накормíли, напойли. А хозяин и спрашивает:

— Скажí, дéдушка, отчего у тебý такáя на грудí ráна?

— Да, — говорит, — такáя у менé ráна, что от неё скóро я помрú. Оди́н день мне жить осталось.

— Экая бедá! — говорит женá. — И нéту от этой ráны никаких лекárств?

— Есть, — говорит, — одно, да тóлько его никто не даст, хоть кáждый мóжет.

Тогда́ муж говори́т:

— А почему́ же не дать? Скажи́, како́е лека́рство?

— Трудно́е! Е́сли хозя́ин возьмёт да подожжёт свою́ хату со всем добро́м, а пеплом с того́ пожа́рища засы́плют мою́ рану, то рана́ закроется и заживёт. Только не найдётся тако́го челове́ка на све́те, чтоб это сде́лал.

Задумался мла́дший брат. Долго ду́мал, а пото́м и говори́т жене́:

— А ты как думаешь?

— Да так, — отвечает жена́, — что мы хату другую наживём, а добрый челове́к умрёт и в другой раз не роди́тся.

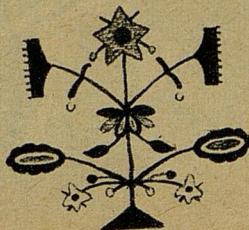
— Ну, ко́ли так, — говорит муж, — выноси́ детёй из хаты.

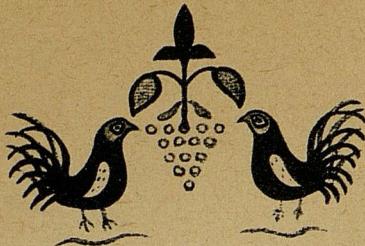
Вынесли онь детёй, вышли сáми. Гляну́л челове́к на хату — жа́лко ему́ своегó добра́. А старика́ жа́льче. Взял да и поджёг. Хата жа́рко заняла́сь и... пропа́ла. А на её ме́сте встала́ другая — бе́лая, высóкая, нарядная.

А дед стойт, в бóроду ухмы́ляется.

— Ви́жу, — говорит, — сынóк, что из вас троих только ты оди́н с пра́вдою не размину́лся. Живи́ сча́стливо!

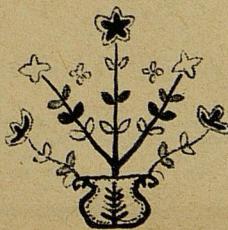
Тут узна́л меньшо́й своегó на́званого отца́, ки́нулся к нему́, а е́го и след просты́л.

СОДЕРЖАНИЕ

Кирилл Кожемяка	3
Кошелёчек	10
Разумница	16
Названный отец	24

Государственное издательство детской литературы Министерства просвещения РСФСР просит учителей нерусских школ сообщить свои отзывы о данной книге по адресу: Москва, Малый Черкасский пер., д. 1. Детгиз.

Для начальной школы

Ответственный редактор Г. Каимова. Художественный редактор В. Пахомов.
Технический редактор В. Артамонов. Корректоры Е. Вильтер и Е. Трушковская.
Сдано в набор 4/III 1949 г. Подписано к печати 11/IV 1949 г. 2 п. л.
(1,21 уч.-изд. л.). 24190 зн. в п. л. Тираж 60 000 экз. А04217. Заказ № 2321.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва, Сущевский вал, 49.

Март. 1953

1957-58 г.

Март. 1953

42194

K76

Комедия

1949

"IV

30к

Гардюшин

—42194—

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДОСТИЖЕНИЙ
ДЕТСКОГО АВТОРСТВА

Цена 30 коп.

150 =